

личной чувствуется влияние го Э. По, то французских сатанистов.

Само собой разумеется, что эти три имени не исчерпываются ни современная чешская литература, ни даже чешская проза. Видные места занимают в ней, например, Ф. Лавиеръ, Ф. Шрэмекъ, Б. Бенешова и др., но

они или принадлежат къ группировкамъ, возглавляемымъ вышеуказанными писателями, или продолжаютъ направления, зародившіяся еще до новой эры чешской литературы. Разсмотрѣніе ихъ творчества не входитъ въ задачу этого очерка.

Н. Мельникова-Папоушкова.

Народникъ-марксистъ о русской народности

П. Н. Савицкий, кажется, единственный изъ евразійцевъ, который соединяетъ националистическую фантастику своей политической группы (являясь, в значительной степени, и создателемъ этой фантастики) съ задачами настоящего ученаго. Въ его «нафосѣ», наряду съ политической страстью, пробивается здоровый мыслительскій жилка. Конечно, успѣхъ его изслѣдательской работы зависитъ отъ того, въ какой степени элементъ научности пообладаетъ надъ элементомъ фантастики. По счастью, создавая свои воздушные замки въ облакахъ, П. Н. Савицкий возмѣлъ счастливую мысль построить для нихъ крѣпкій фундаментъ на твердой землѣ. Связующей нитью между столь разнотипными этажами постройки и столь противорѣчными заданиями явилась вполне законная и научно-допустимая, если только не доводить ее до крайности, идея русскаго національнаго своеобразія, возникшаго на почвѣ особеннаго, географическаго «мѣсторазвитія». Въ предыдущихъ своихъ работахъ, однако же, П. Савицкий именно доводитъ эту идею до крайности, по-

нимая своеобразіе, въ славянофильскомъ духѣ, въ смыслѣ неразложимости, единственности и неповторяемости русскаго историческаго процесса — и, конечно, въ смыслѣ его превосходства надъ всеми остальными, что было необходимо для обоснованія русскаго «всемирноисторическаго миссіи». Въ этомъ духѣ П. Н. Савицкий приходилъ въ восторгъ и умиленье передъ единственнѣмъ въ мірѣ «четырёхполоснымъ флагомъ» русской территоріи,—флагомъ, въ которомъ зоны умѣреннаго-теплаго климата, свойственнаго и другимъ, благоприятно расположеннымъ странамъ, счастливымъ для Россіи образомъ сочетались съ такими исключительными предѣлами, какъ тундра и голодная пустыня. Пишущій эти строки имѣлъ по этому поводу научный диспутъ съ П. Н. Савицкимъ въ Прагѣ, указавъ ему на шаткость исходныхъ точекъ его теории, на его чрезмѣрное пристрастіе къ схематизціи, новаторской терминологіи и на ненаучное приложене понятій «периодизаціи» и «симметріи» къ изученію конкретнахъ фактовъ. Конечно, этотъ споръ не поколебалъ эмоциональныхъ пред-

посылочек доктрины П. Н. Савицкого. Но автору этих строк казалось, что все-же между ним и лидером возрожденного национализма протянулась какая-то общая исследовательская ниточка и найдены были основы какого-то общего языка.

Вышедшая теперь в свет новая работа П. Н. Савицкого*), — точнее говоря, первая половина этой работы — как-будто несколько укрепляет это впечатление. Может быть, прочесть, впечатлительнейшей доли научности и меньшей доли фантастики создается здесь тем обстоятельством, что напечатанный отдел посвящен пока изложению фактического положения дела, а «историческая» часть составляет предмет следующей, второго выпуска книги. Играть тут роль и то, что единственный элемент разсуждения в напечатанном выпуске состоит из перепечатки, во второй части его, двух статей П. Н. Савицкого, напечатанных в 1916 г. в «Русской Мысли» и посвященных полемике с М. И. Тулунъ - Барановским.

Читатель, желающий получить выгодное представление о П. Н. Савицкомъ, какъ исследователь, лучше всего сдѣлаетъ, если начнетъ читать книгу съ этого конца. «Евразійское» зерно, по утверженію автора, уже заложено въ этихъ статьяхъ, но безъ его воздѣйствій пыльных всходовъ.

*) П. Н. Савицкій. Вопросы индустриализации. Выпускъ первый. Мѣсторазвитіе русской промышленности. Изданіе евразійцевъ 1932.

Чтобы связать зерно съ цвѣтениемъ, П. Н. Савицкому пришлось переимѣнить заглавія статей и сдѣлать въ нихъ кое-какіе пропуски. Но и въ этомъ видѣ статьи возвращаютъ насъ къ тому времени, когда политическая страсть еще не одержала верха въ г. Савицкомъ надъ его исследовательскимъ темпераментомъ. И самыя теоретическія позиціи критика и критикуемаго автора здѣсь характернымъ образомъ переставляются. Туганъ - Барановскій, — одинъ изъ провозвѣстниковъ русскаго марксизма, выступаетъ здѣсь съ близкимъ къ народничеству утвержденіемъ, что Россія никогда не сможетъ сравняться съ Западной Европой въ области индустриализаціи и что «копловой благополучія Россіи всегда останется сельское хозяйство». А П. Н. Савицкій, — изъ извѣстномъ смыслѣ продолжатель народническихъ взглядовъ на русское «своеобразіе», направляетъ Туганъ - Барановскаго, доказывая ему, вполнѣ основательно, что возможность промышленнаго развитія Россіи вовсе не исключена недостаткомъ естественныхъ богатствъ.

Первая половина разбираемой книги и посвященка переучету «естественно-промышленныхъ ресурсовъ» Россіи, на основаніи новѣйшихъ работъ специалистовъ въ СССР. П. Н. Савицкій, правда, неоднократно — и вполнѣ благо разумно — оговаривается, что эти новѣйшіе разсчеты могутъ оказаться прехлебными. Но, все же, общее впечатлѣніе подобранныхъ имъ тѣхъ новыхъ данныхъ таково, что, какъ и слѣдовало ожидать, чѣмъ далѣе идетъ научное изученіе производитель-

шихъ силъ Россіи, тѣмъ болѣе открывается возможностей, которыхъ предыдущія поколѣнія русскіихъ ученыхъ не могли предвидѣть. Выгодная особенность статьи 1916 г. заключается въ томъ, что уже и тогда эти возможности представлялись П. Н. Савинкому яснымъ, чѣмъ М. И. Туганъ-Барановскому. Однако же, если соглашатся тогда съ Туганъ-Барановскимъ, что сельское хозяйство составляетъ экономическій базисъ русскаго народнаго хозяйства. Онъ говорилъ: «нужно признать, согласно указанию проф. Туганъ-Барановскаго, что сельское хозяйство, дѣйствительно, имѣетъ основное значеніе въ экономической жизни Россіи и что отъчасти къ общему подъему производительной энергии русскаго народнаго хозяйства можетъ и долженъ быть данъ мощный размахъ сельскому хозяйству. Но развитіе промышленности въ Россіи, вмѣстѣ съ общепризнаннымъ огромнымъ значеніемъ для нея сельскаго хозяйства, въ противоположность мнѣнію М. И. Туганъ - Барановскаго, сама по себѣ, отнюдь не исключаетъ возможности, что въ нашихъ, болѣе благоприятныхъ, чѣмъ западъ, общественныхъ условіяхъ, можетъ развиться свободно и мощно также и русская промышленность и что промышленность эта, опираясь на болѣе широкое, чѣмъ прежде, основаніе русскаго народнаго хозяйства, въ его общесоціальныхъ предѣлахъ, рано бы могло стать въ уровень съ русскимъ сельскимъ хозяйствомъ». Это было вполне благоприятно и предусмотрительно. Также же благоприятно и важно

было въ другой перепечатанной статьѣ 1916 г. провозглашеніе «страны - городовъ», «страны - фабрикъ», переизгнувшихъ черезъ «равновѣсіе» сельскаго хозяйства и промышленности къ «единодержанію» промышленности, — Россіи, съ огромной и разнообразно - одаренной территоріей. «Дальше опредѣленнаго равновѣсія между промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ», говорили тогда П. Н. Савинкій, «развитіе Россіи, даже въ своемъ логическомъ, оторванномъ отъ реальныхъ условій продолженій, идти не можетъ; въ этомъ продолженіи оно падаеетъ на существенную экономическую разнородность современныхъ «странъ-городовъ» и Россіи». Идея «самообразія» здѣсь была выдержана во вполнѣ законныхъ предѣлахъ.

Слѣдовало, кажется, ожидать, что готовомышланный экспериментъ попытается, съ его катастрофическимъ результатомъ, могъ бы только подтвердить тогдашнюю осторожность молодого экономиста. Но вотъ, оказывается, что П. Н. Савинкій выбралъ какъ разъ теперешній моментъ, чтобы отступить отъ своего предвзвѣннаго благоразумія. Онъ уже говоритъ, что въ настоящее время нѣтъ болѣе необходимости ограничивать будущее промышленное развитіе Россіи предѣломъ «равновѣсія» между промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, ибо «между 1916 годомъ и настоящимъ моментомъ произошло грандиозный социальный переворотъ», — очевидно, достаточный для того, чтобы превратить П. Н. Савинкаго изъ парочника въ марксиста. До сихъ

порь онъ корригировать свой сдвигъ особой теоріей, по которой Россія, какъ «государство-материкъ», довѣла самой себѣ, имѣя полную возможность хозяйственной «автаркіи». Такъ «своеобразие» приводилось въ гармонію съ марксизмомъ. Но для теперешняго нарушеннаго «равновѣсія» этого было уже недостаточно. Для этого необходимо перейти отъ «автаркіи» къ нѣкому интернационализму: отъ внутренняго къ вѣншему рынку. П. Н. Савицкій уже и подчеркиваетъ, что «материковое хозяйство есть самостоятельная, но не замкнутая система. Ея незамкнутость опредѣляется фактомъ вѣншей торговли». И въ своихъ прежнихъ статьяхъ онъ высказываетъ счастливое выраженіе: «догнать и перегнать Западную Европу», которое и подчеркиваетъ теперь, — очевидно, чтобы сохранить за собой приоритетъ знаменитой формулы сталинскаго періода. Правда, въ 1916 г. эта фраза имѣла у автора совсѣмъ другой смыслъ: говорилось лишь о возможности «въ нѣкихъ промышленныхъ районахъ (Россія) имѣть населеніе болѣе густое и производительность болѣе высокую, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Западѣ» Это, действительно, было вполне возможно и прежде — напр., въ фабричномъ районѣ какой-нибудь Юзовки или Кривого Рога. Но тутъ же П. Н. Савицкій оговаривался, что, все-же, въ общемъ составѣ Россіи «всегда будутъ оставаться области, кореннымъ и существеннымъ образомъ деревенскія, въ которыхъ, въ умѣренномъ поясѣ, плотность населенія не достигаетъ, по нашимъ пред-

ставленіямъ, той величины, какъ въ областяхъ промышленныхъ». На этомъ и основывается расчетъ «равновѣсія». Теперь, не считая болѣе нужнымъ собираться «равновѣсіе», П. Н. Савицкій и въ свою старую, болѣе научную постановку вопроса вкладываетъ свой новѣйшій смыслъ и, чисто-демагогически, соидарируется съ виновниками новѣйшихъ попытокъ «догнать и перегнать Европу», — вмѣсто того, чтобы — именно теперь — отгородиться отъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Я не знаю — и не могу предсказывать, — въ какой степени новая тенденція овладѣетъ П. Н. Савицкимъ въ продолженіи его работы. Но я вижу, что онъ продолжаетъ стоять на опасной стѣзѣ — и въ научномъ, и въ практическомъ смыслѣ. Эмоциональная сторона его натуры, новѣйшему, опять оказываетъ ему плохую услугу. Онъ уже «поражается» и драматически «задумывается» передъ фактомъ «обездоленности промышленными производительными силами» русскаго историческаго пентра, восторгается и умляется передъ весьма не новой находкой, что эти ресурсы расположены «на периферіи» русской государственной территоріи. Это вѣдь, — «геополитическая плоть Монгольской державы», это — «чѣста, гдѣ зародилась міровая держава Чингисъ-хана!» И П. Н. Савицкій, имѣя въ виду «чепарехолопскаго», уже готовъ развѣрнуть свое другое, желто-оранжевое знамя. Въ «монгольскомъ мірѣ континента» «можемъ найти и находить Россія полную естественно-промышленныхъ ресурсовъ!» И по-

выя схемы, новая симметрия и крути уже шевелятся въ головѣ мечтателя, перестающаго быть ученымъ. Кажется бы, маленькая справка, нѣтъ же приводимая, могла бы нѣсколько охладить эти пелумяемые восторги. «Столькимъ бродить дуэсты и кочуютъ якуты по пространствамъ между Енисеемъ и Леной, сплошь уделеннымъ, на протяженіи миллионны квадратныкъ версты И, все-таки, залежи эти остаются мертвымъ, безъизменнымъ камнемъ. Но **придетъ** иной художникъ жизни — и повиснетъ ихъ изъ плѣть! Еще одинъ шагъ нужно сдѣлать, чтобы поныть, кто этотъ «художникъ», откуда онъ придетъ, и особенно когда онъ придетъ, чтобы довести до логическаго конца основную идею самого автора обь **органичности** историческаго развитія Россіи и вернуть его отъ эфемерной «сдержанн» Чингисъ-хана

и отъ степной идеологіи далекаго прошлаго на почву научнаго историческаго изученія.

Но найдеть-ли въ себѣ силы все еще «молодой» изслѣдователь, чтобы остаться на этой твердой почвѣ, не устремляясь въ встрѣчу степному мареву, исчезающему по мѣрѣ приближенія къ нему? Равно было-бы ставить крестъ на ученомъ, могущемъ подарить насъ серьезными и полезными работами. И хорошо, что онъ не забылъ своего собственнаго, болѣе обшьяющаго прошлаго. Тамъ онъ видитъ геверь «генезисъ» своихъ еспазійскихъ идей. Хорошо было бы, если бы, вернувшись къ этому разлѣвду, его научная мысль потекла по прямой научной магистраліи, не терпясь въ политическыя дуинкакъ и мессіанскыя миражакаъ.

П. Милюковъ.

Политическія замѣтки

(Еще о «Новомъ Градѣ»).

Со времени возникновенія «Нового Града» прошелъ годъ. Всѣмъ памятно выступленіе новаго журнала на общественно - литературной аренѣ и тотъ особый, пѣсколькo неожиданный резонансъ, которымъ оно сопровождалось въ эмигрантской средѣ.

Журналъ выставлялъ на своемъ знамени общіе принципы христіанскаго социализма: синтезъ идей личной свободы и социальной справедливости, утверждаемыхъ въ абсолютной истинѣ христіанства. Кажется, сочувствіе журналу заранѣе было обезпечено со

стороны всѣхъ, кто, жито откликаясь на социальныя запросы современности, испытываетъ потребность въ религіозномъ осмысленіи своего міросозернанія и своей дѣятельности.

На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, произошло другое: интересно и талантливо ведущійся журналъ оказался какъ бы общественно изолированнымъ. Оттолкнувъ отъ себя часть возможныхъ друзей въ средѣ демократической, приобрѣтъ сомнительной цѣнности союзниковъ въ лицѣ всякакъ національ - большевиковъ, младо-